Мертвая бухта

Автор:
Владимир Колычев

Мертвая бухта

Владимир Григорьевич Колычев

Роковой соблазн

Уволившись из армии, Игорь Крымов едет в родную станицу на берегу Черного моря. Приятная компания, солнце и пляж обещают отличный отдых. Однако Игорь получил совсем не то, что ожидал. Он становится свидетелем необъяснимых и страшных явлений. Сначала призрак незнакомой женщины «не пускает» его на пляж. Потом рядом с местным кладбищем возникает фантом недавно умершего мужчины. По словам соседей, это были муж и жена, разлученные страшной трагедией. Крымов решает выяснить подробности и узнает историю, в которой на месте привидений оказываются вполне реальные люди, втянутые в беспощадную войну за место под солнцем…

Владимир Григорьевич Колычев

Мертвая бухта

© Колычев В.Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Море гладкое, как прилизанная шерстка на спине добермана, ветру сейчас не до него, он занят скальным дубом, с шелестом перебирая листья на кривых ветках, воду же не теребит, не топорщит. Но море «дышит», тяжелая гладь едва заметно покачивается, тяжелыми вальяжными волнами легонько выплескиваясь на берег. Вода прозрачная, солнце просвечивает ее насквозь, видно, как переливаются камушки на дне.

Скалы нависают над морем с трех сторон, образуя бухточку с язычком берега из ее глубины. И слева скала заходит в море, и справа такой же заслон. С пляжа можно уйти только по воде или по скале – вверх по крутому склону. И не идти вверх, а карабкаться, страхуясь по всем правилам альпинистской науки. Скала высокая, метров сорок, не меньше, а наверху старый погост – в тишине дубово-грабовой рощи. И если вдруг сорвешься с отвеса, то попадешь на это кладбище через морг. Может, потому я и называл это место Мертвой бухтой.

Но до кладбища еще не скоро, моя Лика еще только-только слилась с природой, посвящая солнцу свой роскошный топлес, выстраданный в тяжких трудах на ниве фитнеса, диет и прочих издевательств над телом. Она долго ждала лета, изнывала от нетерпения по дороге к морю, позавчера, когда мы, наконец, приехали, была масса восторгов. И сегодня по пути к Мертвой бухте она едва обратила внимание на погост, вряд ли ее сейчас одолевали мысли о загробном мире. А вот обратный путь будет не таким легким, тяжелый подъем заставит задуматься о вечном. И в ином свете взглянуть на кресты и надгробья.

– Сейчас купаться пойду, – сказала она, переворачиваясь на живот.

Матрас под ней высокий, упругий, лежать и коптиться на нем одно удовольствие. И солнцезащитный грибок я также спустил на пляж вместе со всем необходимым. Организация пляжного отдыха – дело настолько же важное, насколько и приятное. Ничем другим ответственным в течение трех недель я заниматься не собирался. Только море, только отдых, только любовь. В смысле, заниматься любовью. Лика хороша собой во всех отношениях, но сердечных томлений не вызывала. Да и я для нее вроде как запасной аэродром – за неимением основного. Как только подвернется помоложе и побогаче, наша жизнь под одним одеялом тут же и закончится.

Девушка в поиске, даже на безлюдном пляже Мертвой бухты она нет-нет да оглянется, вдруг принц под алым парусом причалил. И, переворачиваясь,

бросает взгляд в морскую даль, не белеет ли яхта одинокая. Я-то ничего такого предложить не мог, а ей замуж за богатого пора, двадцать семь лет как-никак.

– Натрешь? – спросила она, подняв руку и указывая в сторону рюкзака.

– Может, набрызгать? – не очень весело отозвался я.

Пока грибок установил, пока матрасы накачал, то се, умаялся немного. Полежать бы без движения, но нет, надо подниматься, лезть в сумку за кремом. Сам я сбрызнулся спреем, но у Лики на него вроде как аллергия, ей больше нравится растираться молочком. Особенно когда ее растирают. Нет, я не против. Если бы не лишние телодвижения.

Кожа у Лики чистая, гладкая, приятная на ощупь, чем ниже, тем острее ощущения. Растирая ноги, я возбудился, ладони крабами полезли вверх.

– Эй! – качнула бедрами Лика. То ли протест выразила, то ли, напротив, приглашение сделала.

Вокруг ни души, подсматривать некому. Если только покойники с высоты не глядят. Мне-то не жалко, пусть смотрят, вспоминают, завидуют. Мне уже недолго осталось, сорок восемь лет за плечами, недалек тот час, когда прогулы на кладбище ставить начнут. А еще раньше упадет интерес к жизни, буду завидовать самому себе, вспоминая, как на Лику заскакивал.

И все же я скользнул взглядом вверх по расщелине, в глубине которой по вмурованным в скальную породу скобам тянулся наш путь к дому. У самого верха расщелина расширялась, горная тропка, огибая отвесный камень, плавно переходила в пологий уклон, по ней уже можно было идти без помощи руки. На этом отвесном камне я и увидел женщину в белом, до нее было метров пятьдесят, но на какое-то мгновение мне показалось, будто она стоит совсем рядом, только руку протяни. Я даже сумел разглядеть цвет ее глаз. Цвет чистого летнего неба на черно-белой фотографии. И не цвет выгорел, а сама жизнь из глаз ушла. И лицо у нее бледное, и серебринка в русом локоне волос, выбивающемся из-под белой косынки. Немолодая она, далеко за сорок, в этом возрасте женщины стесняются седины, подкрашивают волосы, а этой все равно. Потому как не живая она, в ее жилах текла мертвая кровь. А может, даже вообще не текла.

Это явление было похоже на мираж, но оно не исчезло, пропал только эффект приближения. Женщина осталась стоять на камне, но я уже не мог видеть седину в ее волосах, мелкие морщинки вокруг глаз, лицо с правильными чертами и высокими скулами.

– Что там? – встрепенулась Лика.

Только тогда я понял, что засмотрелся на женщину. Но ведь по-другому и быть не могло. Мертвая бухта, кладбище, покойница – все естественно и даже гармонично.

– Да ничего.

Я всего лишь мельком глянул на Лику, а когда поднял голову, женщины в белом уже не было. Испарилось видение, как Снегурочка под лучами летнего солнца.

Лика тоже подняла голову, проследила за моим взглядом, но никого не увидела.

– А почему не растираешь?

– Так уже, – кивнул я, поднимаясь.

– Странный ты.

Лика смотрела на меня, как молодая жена на старого мужа, за которым нужен глаз да глаз: и за давлением нужно проследить, и таблетку вовремя поднести, и о кефире на ночь не забыть. Только вот что-то не очень хотелось ей заботиться обо мне.

– Может, пойдем искупнемся? – предложил я.

Лика кивнула, внимательно глядя на меня. Не так уж я и плох, если рвусь в холодную – по ее ощущениям – воду.

– А потом разотрешь? – спросила она.

Я отстраненно кивнул. Вроде бы и соглашался повторить, но без охоты. Вода и мне показалась холодной, она бодрила, встряхивая изнутри похлеще водки, но женщина в белом не выходила из головы. Я плыл и думал о ней, о мертвых, души которых, возможно, бродили где-то рядом, грелись на солнышке и даже купались. А в морских глубинах плавали русалки, которых я видел в «Пиратах Карибского моря». Эта мысль должна была испугать меня, но она послужила одним клином, которым выбило из головы другой.

Какие, к черту, покойницы? Какие души? Какие русалки?.. Я целый год вкалывал, как раб на галерах, греб к летнему отпуску и к своему домику на берегу Черного моря. Наконец свершилось. Я на своем любимом пляже с роскошной девушкой, под ярким солнцем, море просто чудесное, меня должно распирать от восторга, а в голове какая-то чушь.

Я нырнул и огляделся в воде – не было вокруг никаких русалок, только Лика стоит по щиколотку в воде. Глаза улыбаются, а уголки губ капризно кривятся. И кожа на руках гусиная. Страшно заходить в холодную воду, да и зачем насиловать себя в первый день отпуска? Впереди целых три недели солнечного безделья, она еще успеет накупаться.

Я развернулся и саженками, с ускорением, рванул к Лике…

* * *

В ориентировании по карте важна привязка к местности, а в альпинизме – привязка к дереву. Подъем по скале без страховки – дело гиблое, но у меня все по уму, все по правилам. Верхним концом веревка привязана к дубу – через втягивающий блокиратор, нижним прикреплена к Лике. Промежуточные точки страховки – все как положено. Блокиратор автоматически втягивает веревку: если вдруг Лика сорвется вниз, она даже не будет падать, сразу зависнет над пропастью. В принципе, все просто, главное, чтобы устройства не отказали да веревка не оборвалась, но за это я спокоен. Хотя и волнуюсь, наблюдая за Ликой сверху. Стою, смотрю, чтобы трос не провисал. И при этом нет-нет да обернусь.

Кресты за спиной, каменные надгробья, чуть в стороне чернеет свежий могильный холм. В прошлые годы кладбищенские пейзажи меня не пугали, а сейчас вдруг мурашки по спине пробегают. Ощущение такое, будто женщина в белом на меня смотрит. Но я не трус. И даже найду в себе смелость обойти все

кладбище: вдруг найду памятник с ее фотографией?

Да, я не трус. И надо будет пройтись… Да, да, надо, иначе уважение к себе потеряю. Никогда такого не было, чтобы Игорь Крымов покойников боялся. И не будет!..

Лика зацепилась за верхнюю скобу, подтянулась… Девушка она тренированная, в поклонницах альпинизма не числилась, но какую-то практику имела, ей даже не пришлось ничего объяснять – сама все знала и умела. Но все же подъем дался ей нелегко.

– Ты чего такой бледный? – спросила она, всматриваясь в меня.

– Это у тебя в глазах рябит, – ответил я. – От напряжения.

Первый день на жарком солнце, как правило, заканчивался для меня красным лицом, так что не мог я быть бледным, никак не мог.

– Замерз? – провела Лика пальцами по моему предплечью.

Смешно это или нет, но моя кожа вспузырилась мурашками.

– Это ветер, – пожал я плечами.

– Да у тебя температура! – приложив руку к моему лбу, воскликнула она.

– Ну, может, перегрелся.

– Пойдем?

Лика снялась со страховки, освободилась от креплений, помогла мне уложить снаряжение в рюкзак. Я не решался оставить страховочный комплект без присмотра. Как минимум – украдут, а как максимум – сподличают. Вдруг чья-нибудь злая душа подрежет веревку, обнулит ее ценность, а мы и знать не будем. Если грибок и матрасы, оставленные внизу на пляже, сопрут, ничего страшного, а подрезанная веревка – верная смерть.

К тому же злых душ на кладбище предостаточно, подумал я, взваливая на плечи тяжелый рюкзак. И все время, что мы петляли среди могил, посматривал по сторонам.

– Ты как на иголках, – заметила Лика.

– Да нет, – качнул головой я.

– Нет здесь покойников.

– Да не покойников нужно бояться, живые люди куда опасней, – проговорил я и поморщился – самому стало кисло от собственной банальщины, от этого мелкого плода умственного бессилия. Что-то не то сегодня со мной.

– Парацетамол в таких случаях помогает. – Лика правильно меня поняла.

Кладбища она не боялась, даже сложный подъем не подорвал ее психику. Зато на меня навалилось, и с этим действительно нужно было что-то делать. Тем более что мой дом, можно сказать, находился на переднем крае борьбы. Дом у самого кладбища, внезапный страх перед которым я должен был преодолеть. Вернее, доказать Лике, что я ничего не боюсь.

Если станицу в приморской лощине можно было сравнить с кляксой, то мой дом находился в длинном ее лепестке – через горную балку до самого кладбища.

Вряд ли мои предки были настолько глупыми, чтобы ставить дом рядом с погостом, но поселок разрастался, вместе с ним расширялось и кладбище. Оно и забрало сначала бабушку, затем дедушку, дом достался маме, а она отписала его мне.

От кладбища дом был третьим по счету, это слегка увеличивало его ценность по сравнению с первыми двумя. И тем не менее продать его можно было только по бросовой цене, родители поняли это сразу, поэтому и передали наследство мне – под летнюю резиденцию. Я сделал в доме ремонт, обшил глинобитные стены кирпичом, отделал изнутри, перестелил полы, установил сплиты и даже подвел канализацию. Лика еще вчера по достоинству оценила кровать из нового спального гарнитура, и душ она принимала, не выходя из дома. Комфорт, все

удобства, а во дворе так и вовсе сказка, одна магнолия чего стоит.

Кладбище разрасталось в длину, пока не уперлось в первый по счету и последний по стоимости дом. Еще в прошлом году эта хижина имела плачевный вид, но праздник пришел и на ее двор. Дом обнесли кирпичным забором, установили откатные ворота, отделали снаружи, перестелили крышу. Вряд ли покупатели нашлись, скорее всего, наследники объявились. Но мне до этого дела нет. Мне бы сейчас в тенек, да и душ неплохо было бы принять. Возможно, у меня тепловой удар.

Я не аккуратист, не педант, зацикленный на перфекционизме, но порядок люблю. Восемнадцать лет армии отдал, где все должно быть параллельно и перпендикулярно, тем более что занимался тыловым обеспечением. И в московской квартире у меня все по полочкам разложено, и здесь у каждой вещи свое место. Во дворе чисто, нигде ничего не валяется, травка подстрижена, «Паджеро» в гараже, примыкающем к летней кухне, скамейка у дома протерта от грязи – садись, отдыхай и ни о чем не думай.

На скамейку я и бухнулся, бросив на нее рюкзак. Что-то нехорошо мне, морозец изнутри подкрадывается. Лика молча глянула на меня, кивнула, оценив мое состояние, и зашла в дом. За вчерашний день она успела там освоиться, холодильник полный, блинчики можно в микроволновке разогреть или пельмени сварить. Сама разберется, не маленькая. А я посижу, мне надо.

Лика вышла ко мне с тонометром, измерила давление: сто сорок на девяносто. Я пожал плечами – море, жара, физическая нагрузка на подъеме – все объяснимо. А Лика грешила на мой возраст. У меня сын всего на год ее младше, а я сам почти в два раза старше. Выгляжу я неплохо, поджарый, подкачанный, за здоровьем слежу, на возраст не жалуюсь, но годы идут, еще немного, и начну превращаться в развалину. Или уже началось… Зачем я ей такой? Отпуск провести, отдохнуть и снова в поиск: вдруг повезет.

Но что бы там Лика себе не думала, к своим пусть и временным обязанностям она отнеслась вполне серьезно. И давление измерила, и температуру, принесла бутерброд, дала таблетку. К этому времени мне полегчало, и настроение приподнялось. Мы ведь от Москвы почти двое суток ехали, устали очень, а вчера я дом в порядок приводил, то одно, то другое, вечером вина выпили, кровать в спальне обновили. А с утра море и перепад высот, вот и пошла кругом голова, покойница померещилась. Как будто кладбище не могла посетить живая

женщина в белом. Может, к мужу на могилку приходила. А почему в белом, так священникам, например, нельзя служить панихиду в черном. Смерть, по церковным канонам, – это радость, нужно быть в белом.

Меня отпустило, я принял душ и взялся за ужин – замариновал курочку и приготовил ее на мангале. Ужинали мы с Ликой у летней кухни, в беседке, с трех сторон оплетенной виноградом, из которого было приготовлено и поданное к столу вино. Родители мои жили далеко, я тоже не мог смотреть за домом круглый год, поэтому отдал свой огород в бесплатную аренду соседям, они собирали осенью созревший виноград, часть от урожая оставляя мне, в переработанном, разумеется, виде. И кукурузки мне вчера баба Варя принесла с моего же огорода. И помидорчиками поделилась, и перчиком. А томаты здесь не чета московским, запах солнца в них. И вино вкусное, пьяное.

– Полегчало? – спросила Лика.

– А когда мне тяжело было? – удивленно повел я бровью.

– Нет? – усмехнулась она.

– И кладбища не боялся.

– Ну да, живых надо бояться.

– И живых не боюсь…

– Живых мертвецов?

Я поднялся, вышел из беседки, закинул голову. Луна полная, желтая с кровью, небо сплошь в звездах. И Млечный Путь подсвечен душами умерших.

– Луна большая, мертвецы оживают, – в шутку, но самым серьезным тоном произнес я.

– Не страшно?

– Да пусть заходят. – Кивком показав на ворота, я слегка усмехнулся.

– Это ты кому говоришь? Мне? Ты им скажи.

Я думал, Лика испугается, обзовет меня дураком, а она продолжала подзуживать. И улыбается, как будто хочет уличить меня в трусости.

– И скажу!

– Скажи! И погромче!

– Зачем погромче? Тихо скажу… Сейчас пойду и скажу.

Я, как был в шлепках и в шортах, вышел со двора, Лика за мной.

– Ты куда?

– Туда! – смело кивнул я в сторону кладбища.

– Ты что, шуток не понимаешь?

– Да нет, просто я и так собирался сегодня, – сказал я, вспомнив о женщине в белом.

Но идти уже никуда не хотелось. Страха не было, а вот запал уже иссяк. Захотелось за ворота, во двор, в беседку. А еще лучше, в дом, дверь у меня крепкая.

– Зачем?

– Да могилку одну нужно найти.

– Без фонаря?

Я закинул голову, глянул на луну:

– И так светло.

Мне катастрофически не хватало уверенности. Луна действительно яркая, но кладбище, считай, в лесу, могилы во тьме. И трава там колючая, будет цепляться за ноги, срывать с меня тапки. А если еще покойник руку высунет да за пятку схватит…

– Ну, пошли!

Лика взяла меня за руку, но к дороге не потянула, она ждала, когда я сам возьму ее на буксир. А у меня ноги приросли к земле.

– Может, все-таки взять фонарь?

– И джинсы надеть, – совершенно серьезно сказала она.

– Ты уверена?

– А ты? – Лика смотрела мне прямо в глаза, требуя смелого поступка. И я никак не мог сесть перед ней в лужу.

Мы вернулись во двор, пропустили по чарке вина, переоделись, вооружились фонариком и снова вышли на тропу войны со своим страхом перед покойниками.

Ворота на кладбище, как всегда, были открыты настежь, за ними в темноте над могилами парили светлячки, явление для этих мест, в общем-то, привычное. Но мне стало не по себе.

– Это фосфор из могил выходит, – прижимаясь ко мне, пробормотала Лика. Она, казалось, совсем не прочь была вернуться домой, но я уже, как говорится, «закусил удила»:

– Да нет, обычные светлячки, – и посветил фонарем вдоль главной аллеи, но луч рассеялся в гуще лесного мрака.

Лика еще крепче прижалась к моей руке, и я, почувствовав, что она слегка дрожит, поспешил ее успокоить:

– Не бойся. Сейчас на могилу глянем, и назад.

– Ой! – Лика вдруг отпрянула от меня и, оказавшись за моей спиной, крепко обняла обеими руками.

Она пряталась от человека, который стоял в темноте неподалеку от нас у самого забора. Я-то думал, что это памятник, но Лика разглядела человеческий силуэт. А свет фонаря выхватил из темноты человеческое лицо. Нахмуренные брови, суровый взгляд, плотно сомкнутые губы. Покойник смотрел на меня враждебно, но не кровожадно, похоже, он не собирался кидаться на нас. Он просто стоял в темноте среди могил.

– Пошли отсюда! – потянула меня Лика к воротам, которые были неподалеку от нас.

Я поддался искушению, позволил увести себя с кладбища. Но на полпути к дому остановился и, глядя на нее, спросил:

– Ты что, испугалась?

– Ты же сам говорил, что живых надо бояться.

– А он живой?

– Да ну тебя!

– Пойдем, спросим!

Я заставил себя вернуться к месту, с которого только что позорно бежал, посветил фонариком, но человека нигде не было, только кресты и памятники. Я шарил по ним лучом фонаря, но с места не сдвинулся. И чуть не вскрикнул от страха, когда Лика коснулась меня рукой.

– Ну все, пошли, – прошептала она и снова потянула меня к дому.

На этот раз я упрямиться не стал. В конце концов, я уже доказал, что не трус.

Глава 2

Шторы были задвинуты плотно, и все же луч солнца прорезал их на стыке и защекотал мне ресницы, заставляя открыть глаза.

Лика сладко спала, свернувшись калачиком, но время уже пришло, пора вставать – и на море. Пока полуденная жара не навалилась.

– Подъем! – сказал я, сунув ноги в тапочки.

– Ну не надо, – пробормотала она, набрасывая на голову подушку.

Я усмехнулся, вспомнив нашу первую ночь. Мы работали в одной компании, но в разных офисах, сошлись на корпоративе, познакомились, уехали ко мне домой. Там она тоже говорила: «Ну, не надо», но неизбежность остановить не смогла. И сейчас ей никуда не деться, поднимется как миленькая.

Я раздвинул шторы и отправился в ванную, побрился, почистил зубы. А когда вернулся в спальню, Лика все еще валялась в постели, накрыв голову подушкой.

– Море зовет! – сказал я, взяв с трюмо тюбик с кремом после бритья.

– Холодное море, – пробубнила она.

– Я кипятильник возьму. И розетку.

– Как нагреется, позовешь, а я пока здесь побуду.

Я нанес крем на лицо, размазал его, пошлепал по щекам.

– Игорь! – Судя по звучанию голоса, Лика уже окончательно проснулась.

Я повернул к ней голову. Она сидела на кровати, опираясь на правую руку, а левой гладила себя по волосам, с открытым ртом глядя на меня. Смотрела так,

как будто у меня рога на голове выросли.

– Что такое? – улыбнулся весело я, но в душе уже звучал тревожный звоночек.

Лика кивком показала на трюмо, я повернул голову, глянул на себя в зеркало и оторопел. Волосы мои уже года два как посеребрились, а сейчас они стали белыми, как будто голову снегом припорошило.

– Не понял?

На самом деле я все понял, просто не хотел принимать неизбежность как данность. Не хотел быть седым стариком. Потому и смотрел на Лику с возмущением: вдруг она подшутила надо мной и ночью, пока я спал, выкрасила мне голову.

– Это из-за кладбища! – сказала она, потрясенно глядя на меня.

– Думаешь?

Версия с краской не выдерживала никакой критики. Увы, мне приходилось согласиться с Ликой.

– А не надо было возвращаться!

Я кивнул, вспоминая, как собирался вызвать покойника на разговор. Пока дошел до кладбища, поседел.

– Как думаешь, краска возьмет? – дрогнувшим от волнения голосом спросил я.

– Зачем краска? Тебе идет… Нет, правда идет… Благородное серебро мужчинам идет… Вот когда желтеть начнешь… – Лика запнулась. То ли не знала, что делать с желтизной в белой седине, то ли не видела себя рядом со мной, когда это случится.

Она сходила в ванную, вернулась, а я все стоял у зеркала, взглядом гипнотизируя свою седину. Вдруг закодирую волосы, и она исчезнет.

– На море идем?

– Старый я уже по горам лазить, – улыбнулся я, давая понять, что шучу.

– Палочку возьмем. А можно и на городской пляж, – невесело проговорила Лика.

До поселка километра три, еще столько же до пляжа, не так уж и далеко, но мне хотелось уединения, да и Лике нравилось загорать топлес.

– Будешь сачковать, значок альпиниста не получишь! – решительно сказал я, отрываясь от зеркала.

После завтрака мы отправились в путь. Солнце весело улыбалось нам, обещая жаркую баню, кладбище встречало нас птичьим перезвоном. Самих птиц видно не было, и я, подумав, что это души покойных переговариваются между собой, с тоской провел рукой по волосам. Не совсем еще старый, а в детство уже впадаю, седину в голову на этом заработал.

– Говорят, что на кладбищах оглядываться нельзя, – сказал я, вспомнив о глупом суеверии.

– Только вперед? – останавливаясь, спросила Лика.

– Ну, не назад же.

– А если влево?.. Куда эта тропинка ведет?

– А здесь все дороги ведут к морю, – пожал я плечами.

Я примерно представлял, куда мы выйдем, если пойдем этим путем, но никогда еще не проделывал его на своих двоих. Там ведь не только кладбище, какое-то время придется продираться через дикорастущий кустарник, где запросто можно напороться на гадюку.

– Может, там спуск хороший? – спросила Лика. И, не дожидаясь ответа, пошла по тропинке, которую для себя открыла.

Не хотел я идти за ней, но и отговаривать не стал, а то обзовет еще старым занудой. Тем более что далеко ей не уйти. Наверняка упрется в забор, через который нужно будет перелезать, а зачем ей это нужно?

Но первым уперся в преграду я. Проходил мимо памятников, обнесенных оградкой, скользнул взглядом по одному из них и застыл как вкопанный. С него на меня смотрел тот самый покойник, которого мы видели вчера ночью. Мужчина был выгравирован на черном мраморе во весь рост. Сальников Семен Данилович. Рожденный в шестьдесят седьмом году и умерший в прошлом.

Памятник дорогой, но без вычурных излишеств со скорбящими ангелами и церковными куполами. Дорогой мрамор под навесом, роскошная гравировка, скамейка и стол, железная оградка с коваными узорами на ней. И свежие живые гвоздики в тяжелой керамической вазе. И еще возле одного памятника стоял другой, такой же формы, но без фотографий, надписей и прочих эпитафий. Возможно, жена Сальникова приготовила себе место рядом с мужем.

А места в районе могилы хватило бы на несколько захоронений: оградка охватывала довольно приличную площадь, примыкавшую к самому забору, сразу за которым находился жилой дом.

Впрочем, соседи сейчас интересовали меня меньше, чем Лика. А она уже возвращалась ко мне с кислым видом.

– Там забор, не пройти… А ты чего стоишь?

– Да вот, о краске для волос думаю, – ответил я, глядя на нее.

Возможно, после увиденного мои волосы окончательно поседели. Но краска могла понадобиться не столько мне, сколько Лике. Вот разглядит сейчас, кто изображен на памятнике, и волосы ее станут совсем белыми. Бывают же пепельные блондинки, а она станет седой.

Лика глянула на памятник, но человека на нем не узнала. Скорее всего, вчера была невнимательной. Темно было, а луч фонаря такой слабый… Возможно, я и сам не разглядел покойника, а сегодня принял за него первого встречного. Бывают скачки напряжения, а со мной случился перепад восприятия. Как это случилось вчера, на пляже, когда я увидел женщину в белом с эффектом

кратного увеличения. Может, это старческая деменция стучится ко мне в дверь?

– Да не надо, нормально все, – сказала Лика, снимая с меня кепку.

– Пойдем?

Мы вернулись к нашему спуску, я размотал страховочную «динамику». Лика с сомнением посмотрела на меня:

– Может, давай на городское кладбище?

– Тебе мало поселкового? – кивком показал я на ближайшую от нас могилу.

– Достал ты меня со своим кладбищем, уже заговариваться начала. Давай на городской пляж!

Честно говоря, мне и самому не хотелось спускаться вниз.

– Может, лучше водки?

Это вопрос задала моя душа, я всего лишь его озвучил.

– Уговорил, – легко согласилась Лика.

На пляж в этот день мы так и не пошли. И на кладбище ночью тоже. Даже страшилками не стали друг друга пугать.

Утром проснулись поздно, зато с твердым намерением отправиться на пляж.

– Это даже хорошо, что покойники могут оживать по ночам, – заметила Лика. – Хоть какая-то жизнь после смерти.

Я кивнул, соглашаясь с ней. Живой человек днем бодрствует, а ночью спит, у покойника все ровно наоборот, но вечно. А вечность тоже нужно обустраивать. Неплохо было бы сохранить этот дом за собой после смерти, будет где по ночам время проводить, а не шляться неприкаянно по кладбищу, как некоторые.

Но для того, чтобы я мог приходить к себе домой по ночам, похоронить меня должны были на поселковом кладбище. Может, уже пора присмотреть себе место, пока еще не все занято? Об этом я и думал, когда шел через погост. Страх меня за душу не держал, но голова была забита всякой ересью. Может, потому меня и тряхнуло изнутри, когда я увидел уже знакомую женщину в белом.

Она шла мне навстречу неторопливо, походка необычайно легкая, казалось, женщина плывет над землей. Но именно так и должны передвигаться покойники. Это ночью они могут подниматься из могил, а днем на поверхность выходят их оболочки – бестелесные и бескровные. Лицо у женщины бледное, в глазах все то же черно-белое небо. Все та же белая косынка, красивый льняной сарафан с подолом до самых пят.

Я резко застопорил ход, Лика зевнула и, врезавшись мне в спину, возмущенно спросила:

– Ты чего?!

А я совсем остановился, молча и потрясенно глядя на женщину, которая уже почти поравнялась со мной. И походка у нее легкая, и шаг бесшумный. Как у покойницы. И взгляд неживой, хотя она смотрела на меня осмысленно. И равнодушно.

Она прошла мимо, не оглядываясь, запахло духами, в которых я уловил запах ладана.

– Чего ты? – повторила Лика, провожая женщину взглядом.

– Это ее могилу я хотел найти, – шепнул я.

Женщина в белом шла от камня, на котором я ее видел позавчера. Или от самой Мертвой бухты, которую покойники, видимо, считали своей собственностью.

– Ну хватит! – Лика возмущенно ущипнула меня за руку.

– Да нет, это не шутка, – мотнул я головой.

– Задолбал!

Она повела рукой в сторону бухты, как будто собиралась идти дальше, но при этом продолжала смотреть на женщину.

– Я ее позавчера здесь видел. Подумал, что не живая.

– Если не живая, значит, мертвая? – заинтригованно спросила Лика.

– Ну, не знаю.

– Может, она горем убитая?

– И в белом?

– Куда это она?

Женщина приближалась к воротам, я думал, она в них и растает, как облачко на ветру, но нет, видение свернуло вправо, прошло немного и остановилось возле того самого памятника, из-за которого водка убила наш вчерашний день. Открыла калитку, подошла к памятнику и села на скамейку под навесом. Ее голова исчезла из виду. А может быть, она провалилась сквозь землю.

– Кажется, ты нашел ее могилу, – прошептала Лика.

– Думаешь, она?

– И вчера эта женщина к мужу приходила, – кивнула Лика. – Гвоздики совсем свежие были.

– И позавчера.

– А это уже не наше дело! – Лика толкнула меня, задавая направление.

И я пошел дальше, заставляя себя сосредоточиться на спуске.

Я не знал, кто вмуровывал железные скобы в скальную породу, сделано это было давно и на совесть. Возможно, местные умельцы даже не пользовались альпинистским снаряжением или даже просто веревкой. И я мог бы спуститься вниз без страховки, но со мной Лика, и кому, как не мне, заботиться о ее безопасности.

Но, спускаясь вниз, я поймал себя на мысли, что не могу всерьез рассчитывать на страховку. Как будто кто-то из покойников мог в любой момент перерезать веревку. Тот же Сальников Семен Данилович, например. Зря мы ворвались в его ночную жизнь, возможно, нам грозит опасность.

Бодрящая вода разрушила мои тревоги, жаркое солнце настроило на курортный лад. А после полудня Лика пошла купаться, вода снова показалась ей холодной, но на этот раз она не остановилась, а смело вошла в море.

На обратном пути я не забивал себя голову темными мыслями, но, проходя мимо знакомого памятника, бросил взгляд за оградку. Не было там никого, скамейка пустовала.

Зато я заметил белый платок за воротами дома, первого по счету от кладбища. То ли голова в платке мелькнула, то ли руками кто-то махнул, может, с наволочки воду стряхивали перед тем, как на веревку ее повестить.

Вечером мы с Ликой собрались на прогулку в поселок. В поселке набережная, кафе там, клубы, почему бы не отдохнуть культурно? Машину брать вовсе не обязательно, такси заказать не проблема.

Лика начала собираться, накручивала волосы, красилась, я же заглянул в огород, отделенный от переднего двора высоким забором. Там и застал бабу Варю, которая собирала баклажаны. Увидев меня, она помахала рукой и предложила мне с десяток «синеньких», как их здесь называли. Я вежливо отказался.

– Тогда я икры вам занесу… – сказала баба Варя, утирая пот с морщинистого лба. – Холодненькой. Завтра.

Я улыбнулся. Нет ничего лучше свежей, но холодной баклажанной икры на похмельную голову, ну, если только борщ со сметаной.

– Теть Варь, вы мне лучше скажите, кто у нас там в первом доме живет? – спросил я и махнул рукой в сторону кладбища.

– А-а! – загадочно протянула баба Варя. – Женщина дом купила, – заговорила она, раздумывая, с чего начать. – Богатая… Дюже богатая. «Мерседес» у нее белый, дорогой!..

– А сама она в чем ходит?

– Тоже в белом!.. Но это сейчас! Раньше в черном ходила! Пока год не прошел!

– Куда год не прошел?

– Да не куда, а вообще!.. Марта ее зовут, по отчеству не знаю… Она сама просила ее без отчества называть! – уточнила баба Варя.

– В черном чего ходила?

– Так мужа она похоронила… И сама рядом поселилась… Теплицу завела, гвоздики выращивает, каждый день свежие цветы… Раньше покупала, а с весны сама выращивает…

Я уже понял, о ком идет речь. И даже повеселел. Интересная она женщина, эта Марта в белом, может, и со странностями, но, слава богу, живая, а не мертвая.

Правильно сказала Лика, Марта убита горем. Не живая и не мертвая…

– А муж когда умер?

– Да весной год был… Марта дом сразу же купила, ремонт сделала… Фирму наняла, так они там и памятник сделали, и дом в конфетку завернули… Как ремонт закончился, так и живет… А ты что интересуешься?

– Завидую. По мне так убиваться никто не будет.

– А ты бы еще помоложе себе нашел! – с пренебрежением фыркнула баба Варя.

– И помоложе были. Но давно.

Первой моей жене было восемнадцать, когда она замуж за меня выходила, второй – двадцать четыре. Это сейчас они уже не молодые. И жены они чужие. Одна ушла, не выдержав трудностей военного быта, вторая сбежала от моих измен. Никому из них я не нужен. И сын признает меня со скрипом. У него другой отец, настоящий, а я всего лишь биологический.

– И я молодухой была… – вздохнула баба Варя с задорным блеском в глазах. – Всю жизнь с Василием. Схороню его и буду ходить к нему каждый день… Тю, ты, сказилась баба на старости лет! – перекрестилась она и взяла ведро с баклажанами, собираясь уходить.

Я не стал ее останавливать. Самое главное она рассказала, а подробности личной жизни безутешной вдовы меня мало интересовали. Да и вряд ли Марта близко подпускала к себе бабу Варю. Наверняка живет себе затворницей, только дом и кладбище. А если куда-то уезжает, мне какое до этого дело?

Вечеринка удалась, в ночном клубе с видом на море мы зависли до четырех утра, вернулись домой пьяные и довольные. И заведенные. Лика даже исполнила стриптиз, подражая танцовщицам из клуба. Приват с продолжением выжал меня досуха, и я вырубился в состоянии полного физического и морального удовлетворения.

Я запросто мог проспать весь день, но проснулся почему-то в районе девяти утра. Часа три спал, не больше, голова тяжелая, но это не помешало мне подняться и встать под холодный душ. На кухне соорудил бутерброд, взбодрился баночкой пива. И вдруг понял, что насилую себя не зря.

Мне нужно было срочно увидеть Марту, поговорить с ней. Зачем? Этот вопрос я задал себе уже на кладбище, когда подходил к памятнику, возле которого она сидела, опустив голову. Ответ на вопрос я знал, но, глядя на несчастную вдову, прикусил язык. И почувствовал себя полным идиотом. У человека горе, а я приперся к ней помятый, небритый.

Я уже коснулся рукой калитки, когда наконец-то принял единственно правильное решение – повернуть назад. Женщина услышала шум, подняла

голову и бесцветно посмотрела на меня. Все, незаметно уже не уйдешь.

– Извините, – сказал я.

Она молча кивнула. Надо было уходить, но я будто прилип к ограде, за которую держался рукой.

– А я тут вот хожу-брожу… А вас Марта зовут?

Голова соображала правильно, а ноги отказывались уносить тело. Хотелось загладить неприятное впечатление, которое я произвел, но ничего умного придумать не удавалось, язык снова спорол чушь.

Женщина поднялась, как это бывает, когда у человека лопается терпение. Она не хмурила брови, не кривила губы, но раздражение все же чувствовалось.

– Все, все, извините… Что-то со мной сегодня не то, гуляли тут до утра, голова чугунная…

– Вам сейчас нельзя спускаться, – тихо сказала она.

Голос приятный, чувственный, хотя она и не пыталась меня очаровать. От природы такое звучание. И сама она такая же красивая, как ее голос. Красота спокойная, глубокая, умная. Такая красота подсвечивает лицо изнутри, многократно усиливая его привлекательность. Я знавал такой тип женщин, хотя встречал их на своем жизненном пути редко, и все мимо…

– Куда спускаться? – не сразу сообразил я.

Женщина едва заметно усмехнулась, но тем не менее заставила меня осознать собственную глупость.

– А-а, ну да… Просто не собирался сегодня на пляж… То есть собирался, но просто глянуть… Ну, может, там кто-то есть… Вы тоже смотрели, я видел вас. Вы стояли на камне и смотрели вниз…

Марта пожала плечами: видел – не видел, ей-то какое дело?

– Я еще за покойницу вас принял, – снова сморозил я. – Вы вся такая в белом… Вас же Марта зовут?

– Марта Марковна.

Она смотрела на меня с укором, затерянном в полном равнодушии к моей персоне.

– Приятно было познакомиться, – сказал я, поворачиваясь к ней спиной.

Марта ничего не ответила, но я и сам не дурак. Как я мог познакомиться с ней, если не назвал своего имени? Наверняка она считает меня идиотом.

Я остановился и, повернув голову, посмотрел на нее. Она так и стояла за оградой, глядя куда-то в пустоту за моей спиной.

– Меня Игорь зовут, – сказал я.

Но Марта как будто и не услышала меня. Она все смотрела за мою спину, и я вспомнил ее мужа. Вдруг она видела своего Семена, вдруг я сейчас натолкнусь на него?

Мне стало не по себе, я резко повернулся, Сальникова не увидел, но споткнулся и едва не потерял равновесие.

Обернувшись, я не увидел Марту. Или она присела, или вовсе исчезла, впрочем, все равно. Больше я ее не побеспокою, пусть она тут киснет в своей тоске. А если она не живая, а такое же потустороннее видение, как и ее муж, то ничего страшного. Верно говорит Лика, если загробная жизнь существует, то этому нужно радоваться. И молиться, чтобы не угодить после смерти в ад.

Глава 3

Днем солнечные и морские ванны, вечером шашлычок под красное вино или отдых в ночном клубе – отпуск продолжался, Лике нравилось, а значит, и мне тоже.

– Сколько там у нас еще осталось? – спросила она, перебирая наманикюренные пальчики.

Мы возвращались из поселка на такси, молодой водитель глянул на меня с интересом и даже завистью. Под полтинник мужику, а он с молодыми да красивыми отжигает. Платье на Лике смелое, короткое, в обтяжку, с декольте, в котором грудь, считай, нараспашку. На нее таксист глянул с вожделением.

– Неделя с хвостиком, – ответил я.

– С маленьким? – капризно спросила она.

– Все зависит от тебя.

– Может, Панькову позвонить?

– Не понял?

Наша компания торговала стройматериалами, бизнес процветал, я заведовал отделом продаж, давно и хорошо знал Панькова, нашего генерального директора, но мне и в голову не придет позвонить ему и продлить себе отпуск. А Лика всего лишь рядовой менеджер в компании, Паньков мог и не знать о ее существовании, а она звонить ему собирается. Вроде бы и не совсем пьяная.

– У него большой… В смысле, он может позволить себе большой отпуск, – поторопилась объяснить Лика. – И нам продлить может.

– По старой памяти?

Я в упор посмотрел на Лику. В принципе, мне все равно, спала она до меня с Паньковым или нет, но раз уж она сама завела этот разговор…

– А пусть знает!

– Что знает?

– Ну, что он не один такой!

Я кивнул, глядя на Лику. Спала она с генеральным, мало того, хочет, чтобы он ее ревновал. Может, назло ему и отправилась со мной в отпуск. И как мне на это реагировать? Паньков человек сложный, жадный, мелочный, злопамятный.

– А он не знает, что ты со мной? – не без сарказма спросил я.

Возможно, Паньков и не в курсе, с кем и где Лика проводит отпуск, не звонит, не интересуется, это ее и нервирует, отсюда и безумное желание позвонить.

Лика нахмурилась. Девушка она не глупая, поэтому сразу поняла, что я ее раскусил, и буркнула:

– Давай не будем!

– Совсем не будем? – Я мягко взял ее рукой за коленку.

Даже хорошо, что Лика завела со мной такой разговор. Чем больше я в ней разочаруюсь, тем легче будет расставаться. А этот момент не за горами. Не пара мы с ней, и нам обоим это ясно. Лето красное отпоем и разбежимся.

А раз уж наше расставание неизбежно, то нужно пользоваться моментом. И наедаться впрок. Когда я найду себе новую подружку? Может, и никогда. Волосы уже совсем седые…

– Ну почему это не будем? – сладко прошептала Лика.

Но водитель не дал продлиться действию.

– Приехали, – сказал он.

У ворот моего дома, под фонарем, стоял черный внедорожный «Лексус». Это не могло не показаться мне странным. А номера и вовсе вогнали меня в ступор. Не

зря, оказывается, Лика завела разговор насчет Панькова.

Я расплатился, мы вышли, тут же открылась дверь «Лексуса». Лика ничего не сказала, просто спряталась за мою спину. Она тоже все понимала, более того, радовалась своему счастью.

Это действительно оказался Паньков. Худощавый, моложавый, в тесном костюмчике с укороченными штанишками. Сорок два года мужику, а он все под мальчика рядится. Еще бы желтенькие носочки надел.

– Игорь Иванович! – Паньков раскинул руки, изображая радость.

Обычно он обращался ко мне по имени, а тут вдруг отчество добавилось. Впрочем, он сам по себе плохой знак.

– А кто там за тобой прячется?.. Лика, выходи, я тебя нашел!

Паньков пытался изображать хорошую мину при плохой игре, но прущая из него злость кривила губы.

– А не надо было меня искать, – пискнула она, отстраняясь от меня.

– Не надо быть эстафетной палочкой… – едко хмыкнул Паньков. И, глянув на меня, также колко сказал: – Кстати, я тебе эстафету не передавал.

– Если честно, я не знал, что мы соревнуемся.

– Да ладно тебе, Игорь Иванович! – натянуто улыбнулся директор. И положил мне руку на плечо. – Не знал и не знал. Хорошо отдохнул?

– Ну, неплохо.

– А ты? – спросил он у Лики, отталкивая меня.

– Ты же сам сказал, что между нами все кончено! – мотнула она головой.

– А если нет?.. Со мной поедешь?

– Ты сейчас в Сочи?

– И с женой развелся, – кивнул он.

– Да? – вскинулась Лика.

– Едем?

– Ну, мне собраться надо…

Она глянула на меня виновато, даже с раскаянием, но в глазах уже искрился свет новой жизни. Я дал ей ключи от дома, и она пошла, нет, побежала за вещами.

– У меня сейчас сложный период, – сказал Паньков, проводив ее взглядом. – Время больших перемен. С женой вот развелся…

Я даже глазом не моргнул. Какое мне дело до его жены? И Лику я удерживать не мог, потому как она птица вольная.

– И в отделе у тебя обновление… На твое место уже назначен человек.

От волнения у меня онемели ноги и похолодели кончики пальцев. Если Паньков не увольнял меня, то как минимум смещал с должности. С очень доходной должности.

– Вопрос давно уже решенный, просто я не хотел тебе пока говорить. Думал, отгуляешь отпуск, вернешься, тогда уже приказ на увольнение… Ты же не в обиде?

Все-таки увольнение. И наверняка виной всему Лика: не простил ее мне Паньков.

Он увольнял меня, но при этом вел себя как хозяин жизни. А ведь я мог набить ему морду прямо сейчас. КМС по боксу всегда со мной, даже если значка нет.

Я надвинулся на Панькова, только тогда он и осознал свою ошибку. И пугливо подался назад. Но я бить его не стал, а всего лишь взял за шею, притянул к себе и шепнул на ухо:

– Пошел на хрен! – Затем оттолкнул его от себя и с ехидцей добавил: – Ты же не в обиде?

Паньков поднял руку, растопыривая пальцы, как будто собирался схватить меня за грудки. Но, видимо, передумал, опустил руку и скрылся в машине, громко захлопнув за собой дверь.

Он не вышел из машины, когда появилась Лика, я сам взял у нее сумки. Лика стукнула по крышке багажника, Паньков нажал на кнопку в салоне. Я поставил сумки в багажник, опустил крышку, но Лика не уходила.

– Извини! – сказал она, виновато глядя на меня.

– Се ля ви, – вздохнул я.

Она вдруг обвила руками мою шею и жадно поцеловала в губы. Я даже подумал, что сейчас она откажется от Панькова, но нет, села в машину, и они уехали.

Габаритные огоньки уже давно исчезли за поворотом, а я все стоял и смотрел на дорогу. Так хорошо начинался вечер, а еще лучше заканчивался: Лика возвращалась разгоряченная, я уже настроился на бурный финал в постели… и вдруг Паньков. И все, ни Лики, ни работы.

Но с Ликой все понятно. Я ей не нужен был с самого начала. Она охотилась за Паньковым, а меня поимела в роли «подсадной утки». Уехала со мной, оставив ему подсказку, где и с кем ее искать. И он клюнул на уловку, примчался за ней.

А как быть с работой? Мне всего сорок восемь лет, рано еще жить на пенсию. Хотя возможность такая была. В тридцать пять лет я уволился в запас по льготной выслуге лет, мне назначили пенсию, и денежки уже давно капают на мой счет. Что-то около двадцати тысяч в месяц, на эти деньги вполне можно жить, если научиться экономить. А можно квартиру в Москве продать и сюда переехать, здесь тепло, огород есть, а главное, дом со всеми удобствами. Но

продавать я ничего не стану, зачем, если на личном счете кругленькая сумма накопилась? Я получал хороший процент с продаж, а тратил меньше, чем зарабатывал. И теперь мог спокойно жить на проценты от вклада. Плюс пенсия… Может, и не надо искать работу?..

Вдруг за моей спиной послышался какой-то шорох. На ветер не похоже: или мышь по траве пробежала, или змея проползла. Или с кладбища кто-то подкрадывался.

Я улыбнулся. Встреча с покойником – лучший способ отвлечься и разгрузить голову. С этой мыслью я и обернулся.

Ко мне подкрадывалась Марта. Голова непокрыта, волосы распущены, из-под серого банного халата выглядывала шелковая ночная сорочка. Лицо сосредоточенное, в глазах пугливое ожидание. И руку она ко мне тянула, как будто собиралась взять за плечо.

Я повернулся к ней лицом, она узнала меня и шарахнулась назад, с чувством вины приложив ко рту палец. Похоже, она ожидала увидеть кого-то другого, не меня. Уж не своего ли покойного мужа?

– Извините, – растерянно пробормотала Марта.

Я зачарованно смотрел на нее. Лунный свет скрадывал приметы увядания на ее лице, она казалась молодой и еще более красивой. Я совсем не хотел, чтобы эта чудесная женщина уходила, но именно это она и собиралась сделать.

– Куда вы? – спросил я и протянул руку, жестом пытаясь ее удержать.

– Домой, – удивленно подняла брови Марта.

– А где ваш дом?

Ее брови взметнулись еще выше, а в глазах шевельнулся укор. Она, конечно, любит своего мужа и готова ночевать у его могилы, но я не имел права селить ее на кладбище.

– Я в том смысле, откуда вы. Из Крынки? – спросил я, кивком указав в сторону поселка.

– Да, мы когда-то здесь жили.

– И муж завещал похоронить его здесь?

На этот вопрос Марта не ответила и повернула к дому, не желая разговаривать. А я так не хотел, чтобы она уходила. И остановить ее мог только сильный козырь.

– А я видел вашего мужа, – произнес я.

Марта резко повернулась ко мне и посмотрела так, что у меня сквознячок по спине под рубашкой пробежал.

– Правда, видел… На прошлой неделе, на кладбище… Ночью…

– На памятнике. – Марта не спрашивала, она утверждала.

– Нет, рядом… Он был как живой. Стоял и смотрел на нас…

Марта качнула головой. Может, она и хотела мне поверить, но не получалось.

– Я даже немного поседел от страха… То есть поседел много, а страха да, страха было немного… Лика могла бы подтвердить, но, к сожалению, она уехала… Муж за ней приезжал…

Я загнул насчет мужа, чтобы не прослыть рогоносцем, но Марту совершенно не интересовали подробности. Я даже не уверен был, что она услышала про Лику.

– Стоял и смотрел? – Ее интересовал только муж.

– Мы еще фонарем на него посветили.

– Ночью?

– Ну да. Мы с Ликой выпили, решили прогуляться по кладбищу… – Я кашлянул в кулак, вместе с тем пряча в него улыбку. Не рассказывать же, что я собирался искать ее могилу.

– Ну, хорошо.

Марта повернулась ко мне спиной, но смогла сделать только шаг. Ее сильно повело в сторону, и она стала падать, вскидывая руки.

– Э-эй!

Я поймал ее в самый последний момент. Удержать на руках не смог, но мягко уложил на землю. И тут же взял на руки. Калитка была открыта, и дверь в дом нараспашку – я нес Марту без остановок. Уложил на диван, метнулся за нашатырем.

Но в чувство она пришла сама. Вскочила с дивана, в паническом ужасе оглянулась по сторонам и спросила:

– Я у вас дома?

– Ну, вы упали в обморок.

– Мне нужно домой!

Марта вскинула руку, как будто собиралась смести меня со своего пути, но я сам отошел в сторону, и она, проскользнув мимо меня, торопливо вышла из дома.

Но во дворе остановилась. Я подумал, что с ней снова случился обморок, подскочил, обнял, собираясь взять на руки. Но она с возмущением вырвалась, нечаянно ударив меня локтем в грудь:

– Что вы делаете?!

– Я думал, вы сознание потеряли.

Но Марта не слушала меня, она зачарованно смотрела на ворота, постепенно поднимаясь на носочках. Спину выгнула, плечи расправила, как балерина перед выходом, руки приложила к груди. Я проследил за ее взглядом, но ничего необычного не увидел.

– Семен, – стонущим голосом проговорила она. – Не уходи! – и, бросившись к воротам, выскочила за калитку, оглянулась по сторонам, но не нашла там никакого Семена. Тихо вдоль кладбищенской дороги. И мертвые с косами не стоят. Только ветер в листве шелестит и мурашки по коже гоняет. – Я же видела его! – мотнула головой Марта и вызывающим взглядом посмотрела на меня: – Вы его видели?

– Вашего мужа?.. Нет, сейчас не видел.

– Он же у ворот стоял.

– Ну, он не мог далеко уйти.

Я хотел взять ее под руку, но она дернулась и отскочила от меня как от чумы.

– Не прикасайтесь ко мне!

Этот вскрик адресован был, казалось, не мне, а Сальникову, который мог видеть, как она выходила из дома, где жил одинокий мужчина, и неправильно ее понять. Она так долго вела себя как верная памяти мужа жена, и вдруг на тебе… А как еще объяснить ее поведение?

– Не надо так не надо, – шагнул я к пышному кусту орешника неподалеку от моего дома. Честно говоря, у меня вибрировало под коленками – вдруг за ним стоит мертвый Семен…

Я уже огибал куст, когда где-то вдалеке заголосил петух. На душе вдруг полегчало. Я понял, что Семена за кустом не найду. Так оно и оказалось. Взбодренный петушиной поддержкой, заглянул за соседний куст, но и там никого не увидел.

Марта стояла у ворот, она тянулась ко мне в ожидании ответа на свои вопросы, но смотрела куда-то мимо. Взгляд застывший, невидящий.

– Не было там никого, – сказал я. – Померещилось вам, Марта Марковна… И винить себя ни в чем не надо. В гостях у меня вы были не по своей воле. И не было у нас ничего…

– Дело не в этом, – качнула она головой.

– А в чем?

– Вы, наверное, считаете меня сумасшедшей?

– Нет. Я видел вашего мужа и готов это подтвердить.

– Кому подтвердить? – вскинулась женщина.

– Вам… Или кому-то еще надо подтвердить?

– Нет, – торопливо отвела она взгляд в сторону.

Но я продолжал на нее смотреть, мне хотелось знать все, а торопиться некуда.

– Чайку? – предложил я.

– Ну что вы! – встрепенулась она и оглянулась, как будто нас мог подслушивать ее муж.

– Семена не будет, петух уже прокукарекал, – сказал я, не сводя с нее глаз.

– Петух?

– Прокукарекал. И нечистую силу прогнал… Вот видите, мы с вами оба немного того.

– Вы надо мной издеваетесь! – с возмущением воскликнула она.

– Да нет, просто пытаюсь разобраться… Вы приняли меня за своего мужа. Почему?

– Все, хватит! – Марта отмахнулась от меня, как от нечистой силы, и повернула к своему дому.

– Если что, заходите! – крикнул я ей вслед. – Или звоните!

Марта могла бы спросить номер моего телефона, но она даже не замедлила шаг. Вдоль домов тянулась тропинка, она-то и привела женщину к ее дому. Наверняка дверь и калитку она закрыла за собой на все засовы. И не мужа она боялась, а меня.

Но так я и сам себя боялся. И если я собирался начать новую жизнь возле кладбища, то мне нужно было перебороть себя, свой страх перед загробным миром. Именно поэтому я и отправился на кладбище.

Пересек ворота, немного прошел вглубь, остановился, огляделся. Нет никого, не мелькают зловещие тени, не стонут покойники в могилах, не раскачивают свои кресты. Но так ничего и не должно быть. Я же молча стою, не кричу, не буйствую. Вот если вызову гнев покойников и не сбегу от них, тогда кладбища можно не бояться.

Но крикнуть я так и не решился, не совсем же сошел с ума. И все же мой внутренний вызов был принят. Налетел ветер, угрожающе зашумели деревья, в лицо, щелкнув меня по носу, прилетел сорванный с ветки лист. Ветер мог разыграться сам по себе, но почему это случилось сейчас? Совпадение? Вряд ли, но все возможно.

Я ухватился за совпадение, это помогло мне избежать паники. Я даже не ускорял шаг, покидая кладбище.

Ветер успокоился, как только я пересек линию ворот. Я пытался держать себя в узде, но ход все-таки ускорил. Этот ветер окончательно меня добил.

Я закрыл за собой и калитку, и дверь, выпил водки для спокойствия духа, постепенно успокоился, а еще одна стопка окончательно привела меня в

чувство. Но заснул я только лишь после того, как за окнами окончательно рассвело.

Разбудило меня ощущение, будто на меня кто-то смотрит. Лика вернулась? Но в комнате никого не было. Я поднялся, обошел дом – никого. Вернулся в спальню, лег, но кто-то продолжал смотреть на меня. Вдруг это души покойников наводнили дом, чтобы лишить меня покоя?

Заснуть я не смог, снова поднялся, вышел на кухню, открыл холодильник, но глянул почему-то в окно. И увидел Марту, которая стояла за воротами и смотрела во двор. Стояла и смотрела, гневно нахмурив брови.

– Что-то случилось? – спускаясь с крыльца, спросил я.

Марта нахмурилась еще сильней, взгляд ее метал молнии, но вслух она отвечать на мой вопрос не стала.

– Вы заходите, – предложил я, открывая калитку.

Но женщина даже не шелохнулась.

– Зачем вы это сделали? – спросила она.

– Что я сделал?

– Пойдемте!

Марта резко развернулась и направилась к дороге, увлекая меня за собой. Я пожал плечами, но последовал за ней.

Она привела меня на кладбище, к могиле своего мужа. На плитке, которой был застелен весь надел, мелом было написано: «Ты изменила мне!» Буквы крупные, но выведены тонким слоем, зато на восклицательный знак мела не пожалели, пухлый такой получился лепесток, с жирной под ним точкой.

– И что это такое? – спросил я.

– Это я и хотела у вас спросить! – воинственно глянула на меня Марта.

– Вы думаете, что это я?

– Вчера ночью вы ходили на кладбище! – пригвоздила она меня.

– Ну, ходил…

– Зачем?

– И где бы я, по-вашему, взял мел?

– Откуда я знаю, где вы взяли мел?

– В том-то и дело, что ниоткуда, я же не учитель…

– Учитель бы до такого не додумался.

– Так, подождите! – Я приложил палец к переносице. – Давайте с самого начала!.. Зачем это мне?

– Вы еще вчера издевались надо мной, – не очень уверенно ответила Марта.

– Это ваше субъективное мнение. Не имеющее ничего общего с объективностью.

– Вчера вы правильно все поняли. Я не должна была находиться в доме у постороннего мужчины, мне стало совестно… Да, вы правильно все поняли. И написали, что я изменила…

– Кому?

– Своему мужу, разумеется. Вы озвучили голос моей совести.

– А может, ее озвучил ваш муж? Кого вы вчера у меня увидели, кто там стоял за воротами?

– Это не важно. – Марта отвела в сторону взгляд.

– Ваш муж видел, как вы выходили из моего дома.

– Не надо!

– Может, он это написал… Вы же каждое утро ходите к нему?

– Это невозможно! – обессиленно пробормотала она.

– Но вы же искали его вчера. Вы бегали за ним.

– Я сошла с ума… И вы это поняли…

Марта еле держалась на ногах, в лице ни кровинки, зрачки сузились.

– Вам нужно присесть, это я понимаю.

Я открыл калитку, взял ее за руку, подвел к скамейке, в тенек.

– Теперь идите, – посмотрела на меня Марта. – Вам нельзя здесь.

– Муж заревнует? – насмешливо спросил я.

Она возмущенно встрепенулась, но тут же себя осадила и, уронив голову на грудь, прошептала:

– Не издевайтесь…

Я окинул взглядом пространство справа от себя. Памятники в строгом порядке, вся свободная земля под плиткой, два деревца, но ни единой травинки. И ни мусоринки. Одна только странная надпись портила картину.

– Уютно здесь у вас, – сказал я. – А вот холодильника нет… Сейчас водички принесу.

Придя домой, наспех побрился, почистился, взял бутылку холодной минералки, стакан для Марты. На обратном пути подумал, что женщина могла уйти, не дождавшись меня, но нет, она сидела на скамейке в прежней позе. Вроде бы ничего не изменилось, а надпись исчезла. Только вода подсыхала на плитке в том месте.

– Зачем же вы уничтожили улики? – спросил я, наполняя стакан.

– Какие улики? – не поняла Марта.

– Ну, кто-то же сделал надпись.

– Какую надпись? – Она смотрела на меня пустыми глазами, как будто ей нет никакого дела до моих бредней.

– Не было ничего?

– Нет.

– Значит, вы на меня не обижаетесь?

– Идите домой.

– Я-то уйду… А придет ночь. А вместе с ней и ваш муж.

– Ничего, я справлюсь.

– С ним справитесь или вообще?

– Идите!

– Ну, хорошо… – Я вытащил из кармана смартфон, вывел на дисплей наборник номера. – Скажите мне свой телефон.

– Зачем?

– Как хотите.

Я вернул телефон на место, поставил бутылку с водой на столик и повернул к выходу.

– Восемь – девятьсот шестнадцать… – сдалась Марта.

Я кивнул, набрал номер и сделал прозвон. Ее телефон не ответил, видимо, его не было при ней.

– Если что, звоните, – сказал я на прощание.

Останавливать Марта меня не стала, но не успел я зайти в дом, как она постучала в калитку. Тихонько постучала, но я услышал. Может быть, потому, что ждал.

Глава 4

Она зашла во двор, но калитку за собой закрыть не позволила, удержала ее рукой:

– Пусть будет открыта… Если вы не против…

Я понимающе кивнул. Покойный муж должен знать, что его вдова не изменяет ему с замечательным соседом.

В дом она заходить не стала, даже в беседке увидела интимное уединение. Я рукой протер скамейку возле крыльца и прошел в дом за минералкой, у меня еще оставался небольшой запас. Было и пиво, но я не рискнул его предложить.

– Что вы меня все время водой поите? – с легким возмущением спросила Марта, неохотно принимая наполненный стакан.

– Вода нервы успокаивает.

– А мне нужно успокоиться?

– А разве вы не для того здесь, чтобы найти успокоение для своей души?.. – Я повел рукой в сторону ее дома. – Мужа похоронили, сами рядом поселились…

– Это не ваше… – Марта осеклась и отвела взгляд в сторону. – Да, я поселилась рядом с могилой мужа, чтобы обрести вечный покой.

– Вечный?

– Я умерла вместе с мужем. Я переселилась на кладбище вместе с ним.

– И ваш муж стал к вам… являться?

– Да, я видела его несколько раз.

– Вас это пугает?

– Нет.

– Но я же вижу, как вы мечетесь.

– За ним и мечусь. Он постоянно уходит от меня. Я за ним – он от меня.

По дороге проехала легковая машина, ничего необычного я в том не заметил, а Марта напряглась, навострила ухо.

– И давно это с вами?

– А с вами? – Она с подозрением глянула на меня.

– Ну, я-то всего один раз видел…

Марта вдруг резко поднялась.

– Куда же вы? – спросил я.

В ответ она лишь мотнула головой, мол, зря со мной связалась, и посмотрела в сторону своего дома. Что-то увидела там, тускло улыбнулась, стала поднимать руку, будто собираясь кого-то приветствовать, но спохватилась и опустила ее.

Мне интересно было узнать причину ее замешательства, я вышел за ворота и увидел бордовый «БМВ» «Икс шестого» класса. Из машины выходила светловолосая девушка в бежевом брючном костюме, красивая, внешне похожая на Марту. Наверняка это была ее дочь.

И еще я увидел молодого человека спортивного телосложения. Черные волосы с мокрым эффектом, загорелое лицо, белозубая улыбка, светлое поло. Глубокие синие глаза, правильные черты лица, легкий налет аристократизма.

Девушка обняла Марту, мужчина же поцеловал ей руку, при этом он смотрел на нее с мягкой улыбкой, в которой даже я уловил хитринку. Не похож он был на жениха, который знакомится с матерью невесты, да и на пальце блеснуло золотое обручальное кольцо. На Марту он смотрел как на блаженную, с милым, но колючим, как мне показалось, снисхождением.

И на меня он глянул как на деревенского дурачка, который по простоте своей душевной связался с ненормальной. Посмотрела на меня и девушка. На меня глянула, на мать, что-то взвесила там себе в уме и снова села за руль. Марта нажала на кнопку брелока, ворота открылись, и машина заехала во двор. Следом за ней скрылась и Марта.

Я побрел к себе и бухнулся на кровать. В конце концов, я в бессрочном отпуске, и у меня есть полное право лечь спать, когда захочется.

Уже стал засыпать, как в калитку кто-то громко стукнул. Это могла быть Марта, а я не мог держать ее за порогом, потому легко поднялся и поспешил открыть дверь.

Но за калиткой стояла не Марта, а молодой человек ее дочери, наверное, ее муж.

Парень видный, интересный, красивые девушки таких любят. Неудивительно, что дочь Марты выбрала его. Она была похожа на мать, но, увы, не было в ней той изюминки, которая делает женщину неповторимой.

Парень смотрел на меня с улыбкой, в ожидании, видимо, восторженных отзывов. Как же, он весь такой из себя городской снизошел до дремучей деревенщины, я просто прыгать должен был от радости. Он поздоровался со мной кивком и весело, но с легким укором заметил:

– Звонка у вас нет.

– А это чтобы покойники по ночам не звонили, – ответил я, открывая калитку.

Хотел провести звонок, но как-то не дошли руки. Да и глаз замылился. В своем доме все сразу надо делать, потом острота момента проходит, и он теряется в ворохе других проблем.

– Весело тут у вас… – еще шире улыбнулся парень. – Э-э… меня Павлом зовут.

– Игорь Иванович. – У меня не было ни малейшего желания молодиться перед ним.

– Вы меня видели, – сказал он.

Это был не вопрос, а утверждение, поэтому я промолчал.

– Марта Марковна у вас была.

– Да, посидели немного. – Я кивком показал на скамейку возле крыльца и отступил на шаг, давая понять, что Павел может зайти во двор и даже присесть.

Он зашел, но сразу же остановился. Осмотрел двор медленным взглядом и спросил:

– А вы здесь недавно живете?

– Это что, допрос?

– Нет, что вы! Просто интересно… Даже очень… Моя супруга очень переживает за свою мать.

– Понятное дело.

– Сохнет Марта Марковна здесь, покойники мерещатся.

– Покойники здесь всем мерещатся.

– Ну, это смотря на какую голову. – Павел улыбнулся, изображая молодецкий задор, и повел ладонью перед носом, давая понять, что перегар от меня чувствуется.

– Марта Марковна не пьет, – заметил я в ответ.

– С ней особый случай, – вздохнул Павел. – Ей покойники наяву мерещатся.

– И что? – посмотрел я ему прямо в глаза.

– Покойный Семен Данилович является ей.

– Это от большой любви.

– Ну да, мужа она любила… И до сих пор очень сильно любит… Я бы сказал, безумно. Иногда я даже завидую ему… И надеюсь, что его дочь… – Павел оборвал себя, замолчал, но, судя по выражению глаз, проговорил начатую фразу про себя.

Да, мое эго тоже хотело бы иметь такую жену, для которой земная жизнь закончилась бы вместе со мной. И я не стал бы говорить об этом вслух. И о многом другом бы умолчал, а Павел душу раскрыл, хотя он явно не из тех, кто распахивается перед первым встречным.

– Вы что-то хотели? – спросил я.

– Да, да… – кивнул Павел, приложив палец к подбородку. – Моя супруга… Да я и сам переживаю за Марту Марковну. Она здесь одна, в плену своего… своих фантазий. – Парень выразительно пошевелил пальцами у своего виска. – Ни с кем не контактирует, замкнута в себе… Может, вы сможете ее разомкнуть? Вы только не подумайте, я не заставляю вас!

– Еще бы вы заставляли меня!

– Просто мне кажется, что вы симпатизируете Марте Марковне. Женщина она красивая… Если что, не бросит, как молодая, с другим не уедет.

– А кто уехал? – нахмурил я брови.

Марта Марковна знала о моей истории с Ликой, но неужели она разболтала об этом своей дочери? Та могла поделиться с мужем… Я не мог в это поверить.

– Еще не уехала, – не моргнув глазом улыбнулся Павел. – Еще только может… – Он понизил голос, перешел на шепот: – Это я о своей жене.

– Ваша жена от меня не уедет, – качнул я головой.

Павел засмеялся и указал на меня пальцем:

– С вами – нет… И ни с кем… Это я так подумал, к слову. Сказал, что Марта Марковна уже не молодая…

– И от мужа не сбежит.

– Ну да… – Павел изобразил озадаченность, ущипнув себя за подбородок. – Привязала она себя к гробу, как бы совсем с ума не сошла.

– Совсем не надо.

– Только не подумайте, что я свожу вас с Мартой Марковной. Зачем она вам, если вы считаете ее сумасшедшей?

– Я не считаю ее сумасшедшей, – оборвал я его.

– Нет? – спросил он, внимательно и, как мне показалось, с разочарованием глядя на меня.

– Нет.

– Ну, вот и отлично!

Павел отвел в сторону руку, будто собирался хлопнуть меня по плечу, но не решился на столь смелый жест. Я ему не друг, уже немолод, а главное, он не смог поставить меня в зависимость от себя, хотя стремился к этому. Как минимум я мог хлопнуть его по плечу в ответ, а как максимум вышвырнуть за ворота. Ну, не нравился мне этот щегол.

– Ладно, пойду я.

Павел правильно меня понял, поэтому не решился подать мне руку на прощание – вдруг не пожму – и направился к дому своей тещи. А я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, и думал о том, что не может этот Павел исчезнуть просто так, он обязательно еще появится, не сегодня, так завтра. Странный парень, очень странный.

Дома я принял душ, перекусил и завалился спать. На этот раз заснуть удалось легко, и я провалился в глубокий сон.

Проснулся очень поздно, за окнами уже стояла ночь. Принял душ, причесался, надел спортивный костюм и вышел из дома. Над головой луна в звездах, в кущах над оврагами соловей заливается, в огородах сверчки свиристят. А собак не слышно, может, луной псы зачарованы. Или покойников боятся разбудить.

Ветра как такового не было, листва на деревьях не шелестела, но я ощущал движение воздушных потоков, которые, сплетаясь у меня за спиной, тянули к дому Марты. Или на кладбище? Там сейчас мертвая тишина, и в ней мерцают светлячками души покойников. Но меня это почему-то не пугало. Если вдруг увижу видение, одним доказательством станет больше. Доказательством существования загробной жизни.

Но видением стал я сам. Я подошел к дому Марты, в калитку звонить не стал, просто постоял немного и повернул назад. Свет в окнах не горел, в доме тихо, может, дочь Марту уже в город увезла…

Но не успел я пройти несколько шагов, как за спиной открылась калитка и я услышал ее громкий шепот:

– Стой!

Я остановился, развернулся на сто восемьдесят.

– Это вы? – В ее голосе послышалось разочарование. Видимо, Марта надеялась увидеть мужа, но – не судьба.

– Да вот, на прогулку хотел вас пригласить.

И я говорил шепотом, чтобы соседи не услышали нас, если они вдруг не спят. Совсем не обязательно давать им пищу для пересудов.

– Куда на прогулку? – приближаясь ко мне, так же тихо и возмущенно спросила Марта.

– Ну, не знаю… Я бы прогулялся по кладбищу.

– Зачем? – с подозрением спросила она.

– Страх свой похоронить хочу.

– Страх?

– Нервы пощекотать.

Марта мотнула головой, отказываясь от моего безумного предложения. А я, напротив, кивнул, подтверждая всю серьезность своих намерений. И направился к воротам кладбища, которые находились в каких-то пятнадцати-двадцати метрах от нас.

Марта потянулась за мной, но удержала себя. Правда, хватило ее ненадолго. Я был уже в воротах, а она еще только сделала первый шаг.

– Прошу! – подал я ей локоток, чтобы она взяла меня под руку, но женщина шарахнулась как черт от ладана. А вдруг муж увидит, как она прогуливается под ручку с соседом?

Я не стал кружить по кладбищу, пошел напрямую, по известному мне маршруту – к спуску с горы. А куда еще вести женщину ночью, как не на море?

Я не говорил, и Марта пугливо молчала, но в конце пути вдруг вцепилась мне в руку. Я на всякий случай огляделся, но ничего подозрительного не заметил, только кресты, только кусты, которые лишь издали можно было принять за силуэты людей.

Мы вышли к тому самому камню, на котором я впервые увидел Марту. С него я и глянул вниз, на залив, на море, с лунным трактом на нем. Луна подсвечивала и воду, и сгрудившиеся над горизонтом облака, оживляя живущих в них чудовищ. И вид потрясающий, и от высоты дух захватывало. А еще в спину дуло. Нет, ветер здесь ни при чем. Я не знал, что на уме у Марты, может, действительно сумасшедшая. Возьмет и скинет меня с обрыва.

– Спустимся? – спросил я.

Страховки у нас не было, за снаряжением возвращаться не с руки, но, в принципе, можно обойтись и без этого, если крепко держаться за скобы и не зевать. Для меня это не сложно, а Марта не должна бояться смерти. Она ведь уже умерла.

– Мы и так далеко зашли, – качнула она головой.

– Настроение хорошее, не хочется останавливаться, – ответил я.

– Дальше без меня.

– Да мы и здесь не вместе. Я вообще сейчас один… Была подружка, и тю-тю. С начальником уехала. С моим бывшим начальником.

– Да, у вас была девушка, – кивнула Марта.

– Вы видели, как она уезжала?

– Нет.

– Я вчера стоял, смотрел, как они уезжают. Стоял и смотрел, когда вы ко мне подошли.

– Я подумала, что вы… – Марта осеклась.

Глянув на нее, я увидел, как она прикладывает пальцы ко рту.

– Вы и сегодня приняли меня за своего мужа… Он к вам сегодня приходил?

– Давайте не будем.

– Он к вам приходил? – настаивал я.

– Нет.

– А вчера?

– Я же просила…

– Вчера приходил? – Я требовательно смотрел на Марту.

– Да, вчера было…

– А кому вы говорили о том, что меня бросила девушка?

– Я об этом кому-то говорила? – Ее чуть не затрясло от возмущения.

– Ваш зять этого не знал?

– Мой зять?!

– Он заглядывал ко мне сегодня.

– Павел?! К вам? Ну да, он выходил куда-то…

– Он видел, как вы выходили от меня, и думает, что у нас с вами роман.

– Ну нет! – запаниковала Марта.

– Хочет, чтобы у нас был роман. Хочет, чтобы вы перестали жить прошлым. Заботится о вашем душевном здоровье.

– Я с ним поговорю!

– Не надо. Если вы хотя бы немного уважаете меня. Как соседа. Не хочу выглядеть ябедой в глазах вашего зятя.

– Ну, хорошо.

– А вы можете наказать Павла?

– Наказать?

– А разве вы сейчас не об этом подумали?

– Э-э… Мне кажется, вы задаете много вопросов.

– Это для вашей же пользы. Признайтесь, что за год траура в вас накопилось столько всего, вам нужно выговориться, может, потому вы и терпите меня. Не гоните, хотя должны остаться с мужем. Наедине с памятью о нем.

– Выговориться? Не знаю… – Марта исподлобья смотрела на меня. – Но я действительно вас терплю.

– Тогда я могу задать вам еще один вопрос? – с благодушной улыбкой спросил я.

– Ну, ночь длинная, – одними уголками глаз усмехнулась она.

– Ваш зять Павел как-то зависит от вас?

– В каком смысле?

– Чем он занимается, где работает?

– Сбытом занимается. Подсолнечное масло, томатная паста, кетчупы. Все, что производит наш комбинат.

– Ваш комбинат?

– Ну, в общем, да…

– А кто управляет вашим комбинатом?

– Это так важно? – Марта смотрела на меня чуть ли не враждебно. Вдруг я втираюсь к ней в доверие с целью отбить бизнес или вроде того.

– Павел может управлять вашим комбинатом? Как-никак зять.

– Может… И хочет, – немного подумав, добавила она.

– Но вы ему не даете?

– Ну, почему же я ему не даю?.. Рано ему еще… Да и Семен просил… – Она вдруг резко оборвала себя и заявила: – Ваш вопрос закончился. Мне уже пора!

Я протянул руку в сторону выхода: «Прошу!»

Марта шла нерешительно, с оглядкой, все время оборачивалась, проверяя, не исчез ли я. Ночная прогулка по кладбищу щекотала мне нервы, но страха не было. И покойники не выходили к нам, не хватали за ноги. Но Марта пребывала в тревожном ожидании, похоже, постоянное общение с духом покойного мужа не

привило ей иммунитет к страху перед сверхъестественным.

– Страшно было? – уже у ворот ее дома спросил я.

Марта кивнула, исподлобья глядя на меня.

– А как же вы сами по кладбищу, ночью?

– Ночью?.. Ночью я по кладбищу не хожу.

– Но живете рядом.

– Я привыкла.

– И любовь к мужу оберегает?

– Не ваше… Да, и любовь к мужу оберегает.

– Он всегда где-то рядом… Где вы его вчера видели?

– На дороге он стоял. У кладбища. Я в окно его увидела.

Я посмотрел на забор вокруг дома, не очень высокий, но и низким его не назовешь. Дом на высоком фундаменте, но не двухэтажный, скат крыши обращен к дороге, мансардного окна в ней не было. Человека, стоящего на дороге, можно было увидеть из окна на первом этаже. Но только на дороге или дальше. Подходя к дому, человек оказывался в «мертвой зоне». Может, потому покойник и стоял на дороге, чтобы его заметили. Что, в общем-то, вполне естественно даже для настоящего покойника. Если он муж, который ходит к своей вдове.

– И узнали его?

И вчера ночью над кладбищем висела полная луна, но светила она недостаточно, чтобы можно было разглядеть лицо человека.

– Я знала, что это Семен.

– Вы его и раньше видели.

– Да. Он подходил ко мне, когда я стояла у калитки… Все, хватит! – вдруг воскликнула Марта и глянула на меня уже не раздраженно, а зло.

– Вы с ним говорили?

– Я же просила! – Она мотнула головой, открывая калитку.

– Вы слышали его голос?

Она зашла во двор, закрылась на замок, только тогда ответила, глядя на меня из-за ворот:

– Нет, он со мной не говорил.

– А в дом не заходил?

– Все! – Марта направилась к дому.

– Это очень важно!

– Он всегда уходил от меня! – Поднимаясь на крыльцо, она махнула рукой в сторону кладбища.

– А близко к вам подходил?

В ответ Марта громко хлопнула дверью. И я почему-то услышал в этом «нет». Да и не мог человек, похожий на Семена Сальникова, подходить близко. Если там не стопроцентное сходство. И говорить он тоже не мог, чтобы голосом не выдать подлог.

Стопроцентное сходство и голосовое совпадение мог обеспечить только близнец Сальникова, но вряд ли таковой существует, иначе бы у Марты зародились

сомнения. И бегать за призраком, а вместе с тем и за мною она бы не стала.

Покойник или тот, кто себя за него выдавал, скрывался от Марты на кладбище. Правильное решение, учитывая, где находился ее дом.

Но если Марта увидела покойника за воротами моего дома, то уйти он мог через овраг – на дорогу, за которой пустырь сплошь в кустарниках, за ним балка с пологим спуском. Но, возможно, за моими воротами Марта увидела не двойника, а своего зятя. Павел мог находиться там, корректируя действия «покойника», возможно, он был где-то рядом, когда Паньков уводил у меня Лику…

Надо было спросить, где живет Павел, наверняка где-то недалеко: или в Краснодаре, или в Сочи. Если маслозавод, то скорее всего Краснодар… В любом случае кто-то кружил вчера возле кладбища: или двойник, или Павел, или они вдвоем. Или Павел сам исполнял роль Сальникова. Возможно, его мы и видели с Ликой на кладбище. Загримировался как следует, приготовился к выходу на сцену, а тут мы…

Я огляделся по сторонам. Кладбище спит, во дворах тишина, ни мертвых душ не видно, ни живых. Но, возможно, где-то в кустах прячется нечистый совестью человечек под толстым слоем грима, ждет, когда я уберусь домой.

В любом преступлении нужно искать выгодоприобретателя. Добровольное затворничество на кладбище – уже признак нездорового ума. Осталось только придать огласке общение с оживающим по ночам мужем, и Марту можно заклеймить по полной. Именно для того Павел и приходил ко мне сегодня, хотел заручиться моей поддержкой как свидетеля. Чтобы затем провести тещу через медкомиссию, которая и признает ее сумасшедшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vladimir-kolychev/mertvaya-buhta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить